

ХУДОЖНИК С СЮЖЕТОМ

За марлевой занавеской «чух-чух» и «ту-ту»

Независимая газ. — 1995. —
27 окт. — с. 7.

Григорий Заславский

Сценография

СЕГОДНЯ, когда на фасаде театра «Школа современной пьесы» красуется транспарант «Мария Миронова и Михаил Глузский в спектакле «Уходил старик от старухи», все связывают театр с этими актерскими именами. Кто-то по памяти говорит: «Школа современной пьесы» — это там, где Любовь Полищук и Альберт Филозов. И то, и другое правильно. Почти все спектакли театра поставил Иосиф Райхельгауз, и до сих пор почти все «рука об руку» шли с декорациями Бориса Лыскова. Пора уже рассказать о нем.

Окончил Школу-студию при Художественном театре, курс Валерия Левентала, участвовал в выставках — в московском Манеже, в Лондоне, в каких-то других городах, не менее столичных... Кому, однако, кроме историков театра и биографов Бориса Лыскова, интересно это?! Зритель приходит в театр и наблюдает за тем, что творится на сцене, вокруг чего ходят и бегают артисты, куда садятся и какие картины вырисовываются на их глазах. Красиво? Ну и хорошо! Лыскова отличают — спектакли, которые сделаны им в «Школе современной пьесы», действительно можно смотреть один за другим, как сериал.

Его декорации сюжетны. От них можно чего-то ждать —

превращения, преображения. Ожидание это не обманывается: в какую-то минутку свет на сцене погаснет, загорятся другие огни, и белые стены безликой комнаты в типовой многоэтажке «раскроются» в сказочно-красивый мир, с деревьями, полем, небом. Жизнь прекрасна, и эта, здешняя жизнь, грезы о другой, прекрасной, без лжи и фальши,

жествах. Фишка вся в этом, — его декорации подвержены сменам настроений, она же — в их нарочитой незавершенности.

Театральный художник редко позволяет себе выкинуть шутку. А Лысков шутит часто. И это заметно, быть может, как раз потому, что чувство юмора — такой редкий гость на театральных штанке-

Детские радости Бориса Лыскова.

Фото Виктора Ахломова

может однажды обернуться ею. Мысль, которая более смотрится, нежели выговаривается.

Несугубая материальность его сооружений, их то ли призрачность, то ли непрочность, — в разное время его расписные задники и марлевые занавеси позволяют «читать себя» и так, и иначе, — вот что, пожалуй, увлекает в сценографии Лыскова, в его худо-

тах. А глядя на медленно проплывающий задник с нарисованным на нем «расписанием» комнат в усадьбе Чубуковых в спектакле «А чой ты во фраке?» по «Предложению» Антона Чехова, зрители смеются. Боря играет в одной команде с актерами, вместе с ними, не отставая от них. То же можно сказать и о последней его работе, в спектакле «Уходил старик от старухи», за

марлевую занавеску в котором критики уже успели попенять ему: мол, что за диво такое? А по мне смешно: время от времени надрывные или ненадрывные диалоги Старика со Старухой перебивает «похотывающая» музыка Шостаковича, и сцену на мгновение перекрывает марлевый пол с изображением перрона с названием станции — «Астапово». «Чух-чух» и «ту-ту» делает паровоз... По-моему, довольно остроумно придумано, — и эта «марля» вовремя снижает высокопарный слог речей возмнившего себя Толстым старика-литературоведа Порогина (Михаил Глузский).

Лысков — культурный художник. Говорю об этом в последнюю очередь, поскольку культурный и интеллигентный — определения, которые в отношении художника, писателя, актера звучат нередко почти как оскорбления. Скромность, как говорится, украшает того, кому больше нечем покрасоваться. Но Лысков знает, чем занимались театральные художники до него, что делали, от этого знания ему не спрятаться, не уйти, он не боится цитатности в своих работах, но чаще всего цитирует себя самого, развивая свой собственный сюжет. Это даже не цитаты, это — собственный театр, который он построил на сцене «Школы современной пьесы», где декорации одного спектакля разворачиваются и развиваются в следующем; не повторяя прежнего, он делает свое дело, которое, к счастью, пришлось здесь ко двору.